Дата поступления рукописи в редакцию: 22.09.2025 г.
Дата принятия рукописи в печать: 15.10.2025 г.

DOI: 10.24412/2782-3830-2025-9-54-60

Ламанов Евгений Николаевич,
к.ю.н., доцент кафедры
теории и истории государства и права,
e-mail: lamanovf1@gmail.com

БАЛАШОВ Константин Геннадьевич,
студент,
e-mail: balashoffkonstantin@yandex.ru

РОМАНОВ Владимир Олегович,
студент,
e-mail: oleg_romanov_2003@bk.ru

КУЛЬТУРНО-ПРАВОВЫЕ РЕГУЛЯТОРЫ ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНЫХ ДИАСПОР КАК ДЕТЕРМИНАНТЫ РИСКОВ ДЛЯ КОМПЛЕКСНОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. *Предметом исследования выступают культурные регуляторы этноконфессиональных диаспор в Российской Федерации как детерминанты комплексной национальной безопасности. Анализируются нормы обычного права, религиозные предписания, этнические традиции и внутридиаспоральные механизмы разрешения споров, функционирующие параллельно государственной правовой системе. Особое внимание уделяется азербайджанской диаспоре как наиболее институционально консолидированной этнической общности. Рассматриваются механизмы трансформации культурных регуляторов в факторы, создающие угрозы миграционной, демографической, социальной и правовой устойчивости государства.*

Методологическую основу составляет комплексный подход, интегрирующий инструментарий конституционно-правового анализа, компаративистики и институционального метода. Применяется доктрина правового плюрализма для исследования взаимодействия государственных и негосударственных нормативных систем. Используется метод типологизации при классификации культурных регуляторов диаспор.

Впервые проведён системный правовой анализ культурных регуляторов этноконфессиональных диаспор через призму обеспечения национальной безопасности. Разработана трёхкомпонентная типология негативных детерминант: параллельные квазиюрисдикционные системы, закрытые этноэкономические сети с элементами теневого сектора, институционализированные девиантные практики. Выявлен механизм культурной инкапсуляции как фактор консервации традиционных практик, противоречащих российскому законодательству. Сформулированы конкретные законодательные предложения по внесению изменений для нейтрализации выявленных рисков.

Ключевые слова: *этноконфессиональные диаспоры, культурные регуляторы, национальная безопасность, правовой плюрализм, миграционная политика, квазиюрисдикционные системы, правовая аккультурация.*

LAMANOV Evgeny Nikolaevich,
Ph.D., Associate Professor,
Department of Theory and History of State and Law

BALASHOV Konstantin Gennadievich,
student

ROMANOV Vladimir Olegovich,
student

CULTURAL AND LEGAL REGULATORS OF ETHNO-CONFESSIONAL DIASPORAS AS DETERMINANTS OF RISKS TO THE INTEGRATED NATIONAL SECURITY OF THE RUSSIAN FEDERATION

Annotation. *The subject of the study is the cultural regulators of ethno-confessional diasporas in the Russian Federation as determinants of integrated national security. Customary law, religious precepts, ethnic traditions and intradiasporal dispute resolution mechanisms operating parallel to the state legal system are analyzed. Particular attention is paid to the Azerbaijani diaspora as the most institutionally consolidated ethnic community. Mechanisms for the transformation of cultural regulators into factors that pose threats to the migration, demographic, social and legal stability of the state are considered.*

The methodological basis is an integrated approach that integrates the tools of constitutional and legal analysis, comparative studies and the institutional method. The doctrine of legal pluralism is applied to study the interaction of state and non-state regulatory systems. The typology method is used in the classification of cultural regulators of diasporas.

For the first time, a systematic legal analysis of cultural regulators of ethno-confessional diasporas was carried out through the prism of ensuring national security. A three-component typology of negative determinants has been developed: parallel quasi-jurisdictional systems, closed ethno-economic networks with elements of the shadow sector, institutionalized deviant practices. The mechanism of cultural encapsulation has been identified as a factor in the conservation of traditional practices that contradict Russian legislation. Specific legislative proposals were formulated to make changes to neutralize the identified risks.

Key words: *ethno-confessional diasporas, cultural regulators, national security, legal pluralism, migration policy, quasi-jurisdictional systems, legal acculturation.*

Российская Федерация, определяемая ст. 1, 5 и 13 Конституции как демократическое многонациональное правовое государство, функционирует в условиях значительной этноконфессиональной диверсификации. Усиление миграционных потоков и развитие трансграничных коммуникационных технологий содействуют формированию устойчивых диаспорных общностей, внутренний правопорядок которых регулируется совокупностью культурных регуляторов — норм обычного права, религиозных предписаний, этнических обычаев и традиционных процедур разрешения споров. Указанные регуляторы, будучи легитимированными внутригрупповым консенсусом, формально находятся вне конституционной иерархии источников права, однако способны продуцировать юрисдикционно значимые эффекты и, следовательно, модифицировать спектр угроз, закреплённый в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации.

В доктрине правового плюрализма культурные регуляторы рассматриваются как автономные, а в ряде случаев – конкурентные по отношению к публично-правовым механизмам обеспечения общественного порядка. Их позитивная функция проявляется в укреплении межкультурного диалога, развитии институтов самоорганизации и реализации целей Федерального закона «О национально-культурной автономии» от 17.06.1996 № 74-ФЗ. В альтернативной парадигме они могут формировать зоны правовой турбулентности: параллельные квазисудебные структуры, легитимацию практик, противоречащих императивам уголовного и административного законодательства, а также каналы трансграничного влияния. При этом отечественные исследования носят фрагментарный характер, преимущественно концентрируясь на демографических [1, с. 142] или криминологических аспектах диаспор [2, с. 56], тогда как системный правовой анализ их культурных регуляторов как детерминант комплексной национальной безопасности остаётся методологически недостаточно разработанным.

Настоящая статья направлена на разработку типологии культурных регуляторов этноконфессиональных диаспор, выявление механизмов их взаимодействия с публичным правопорядком и формирование нормативно-правовых рекомендаций по нейтрализации соответствующих рисков в политической, социокультурной сферах.

Определим понятийно-категориальный аппарат.

Этнос (греч. ἔθνος — «народ») — исторически сформировавшаяся общность, объединённая общими чертами культуры, языка, территорией происхождения, коллективной исторической памятью и этническим самосознанием [3, с. 441]. Хотя термин прямо не закреплён в законодательстве РФ, его признаки раскрываются в ст. 26 Конституции, ФЗ «О гарантиях прав коренных мало-

численных народов РФ» и Концепции государственной национальной политики; правовое признание этноса обеспечивает реализацию культурных прав и защиту от дискриминации.

Конфессия (лат. confessio — «вероисповедание») — институционализированная форма религиозной доктрины со строго определённой системой догматов, культовых норм и организационной структурой [4, с. 5]. Правовой статус конфессий реализуется через религиозные организации, регистрируемые по ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях»; при этом принцип светскости (ст. 14 Конституции) гарантирует равенство всех конфессий и допускает ограничения их деятельности лишь на основании закона.

Диаспора (от греч. διασπορά — «рассеяние, расселение») в современной юридико-политологической парадигме определяется как совокупность лиц, принадлежность которых к определённой этнической, национально-культурной либо конфессиональной группе основана на объективном критерии общего происхождения, тогда как их фактическое и устойчивое место жительства располагается вне исторической территории формирования данной группы [5, с. 129]. Обязательным квалифицирующим признаком диаспоры выступает сохранение и институциональное воспроизводство языковых, религиозных, культурно-нормативных и иных связей с государством (или регионом) исхода, выражающееся, в частности, в деятельности национально-культурных автономий, общественных объединений соотечественников, религиозных организаций, медиаструктур и трансграничных экономических сетей [6, с. 117]. Таким образом, диаспора отличается от временных миграционных конгломератов стабильностью состава, наличием формализованных институтов самоорганизации и устойчивыми каналами коммуникации с исторической родиной.

По состоянию на июль 2025 г. в Российской Федерации функционируют устойчивые диаспорные сообщества выходцев из ряда постсоветских государств, в том числе Азербайджана, Армении, Республики Казахстан, Кыргызской Республики, Республики Узбекистан, Республики Таджикистан и Туркменистана. Наиболее институционально консолидированной, согласно реестру национально-культурных автономий Минюста РФ, является Федеральная национально-культурная автономия азербайджанцев России (ФНКА «АзерРос»), созданная и действующая на основании Федерального закона от 17.06.1996 № 74-ФЗ «О национально-культурной автономии» [7].

Данные Всероссийской переписи населения 2020-2021 г. фиксируют 670 078 лиц, указавших азербайджанскую этническую принадлежность [8]. Вместе с тем учёт только лиц, обладающих гражданством РФ, не отражает фактическую численность данной общности: по сведениям МВД России, на территории страны одновременно пребывают порядка 550–600 тыс. граждан Азербайджана, оформленных как трудовые мигранты либо находящихся в ином временном статусе [9]. Суммарная оценка, основанная на агрегировании данных Росстата и МВД, позволяет определить совокупный демографический потенциал азербайджанской диаспоры в интервале 1,2–1,3 млн человек, что подтверждает её значимость как социально-культурного и экономического актора в системе общественных отношений Российской Федерации.

Культурные регуляторы этноконфессиональных диаспор – совокупность традиционных норм, авторитетов общины, институтов религиозного и экономического самоуправления – образуют альтернативные механизмы нормативного контроля, действующие параллельно государственным институтам [10, с. 69]. При несовместимости таких неформальных механизмов с обязательными нормами российского законодательства они начинают выполнять функцию негативных детерминант комплексной национальной безопасности, создавая угрозы миграционной, демографической, социальной и правовой устойчивости государства, а также формируя условия для коррупционных проявлений и институционализированной преступности.

Правоприменительная практика последнего времени демонстрирует указанные риски на конкретных примерах:

– в Севастополе пресечена деятельность группы, организовавшей фиктивную постановку на учёт иностранных граждан (ч. 2 ст. 322.2, ч. 2 ст. 322.3 УК РФ) [11];
– в Воронежской области предпринимателю Юсифу Халилову предъявлено обвинение в даче взятки должностному лицу медицинской комиссии за освобождение сына от военной службы (ч. 4 ст. 291 УК РФ) [12].

Суммарный анализ указанных ситуаций показывает, что нормативные установки внутри диаспор способны легитимировать противоправные практики, маскировать преступную деятельность и образовывать устойчивые коррупционные связи на стыке с государственными сервисами, тем самым формируя многоуровневые угрозы для различных компонентов национальной безопасности.

Первой детерминантой выступает параллельная квазиюрисдикционная система, формирующаяся посредством функционирования внутридиаспоральных механизмов альтернативного

разрешения споров. Указанные механизмы, опирающиеся на нормы обычного права и религиозно-правовые предписания, представляют собой автономные по отношению к государственной судебной системе институты, наделённые компетенцией выносить решения, обязательные для участников соответствующего этноконфессионального объединения.

Этнокультурная обусловленность этой детерминанты предопределена исторической памятью о формах независимого правосудия в государствах исхода, где государственный судебный аппарат нередко характеризовался институциональной слабостью либо фактической недоступностью. В результате развились устойчивые практики самоуправления и внутриобщинного суда, которые транслируются в принимающие государства и воспроизводятся там в форме параллельных правовых механизмов.

Второй детерминантой выступает институционализация закрытых этноэкономических сетей, характеризующихся наличием элементов неформального (теневого) сектора и устойчивых коррупционных практик. Культурно-нормативные установки диаспоральных сообществ формируют социетальный запрос на создание этнически сегментированных хозяйственных структур, функционирующих на принципах внутригрупповой солидарности и взаимных квази-договорных обязательств. Указанные субъекты предпринимательской деятельности, как правило, вовлечены в:

– схемы фиктивной регистрации иностранной рабочей силы (нарушение ст. 18.9 и ст. 18.15 КоАП РФ; ст. 322.3 УК РФ);
– практики уклонения от уплаты налогов и обязательных платежей (ст. 198–199.2 УК РФ);
– коррупционное взаимодействие с должностными лицами (глава 30 УК РФ; Федеральный закон «О противодействии коррупции» от 25.12.2008 № 273-ФЗ).

Этнокультурная обусловленность данного феномена восходит к традиционным институтам патроната и взаимопомощи, сложившимся в обществах с доминированием кланово-родственных связей, где персональная лояльность и этническая идентификация имеют приоритет над формально-правовыми процедурами. Именно эти историко-культурные паттерны способствуют репликации неформальных экономико-правовых практик в принимающих юрисдикциях, осложняя реализацию принципов верховенства права и равенства участников гражданского оборота.

Третья детерминанта репрезентирует институционализированный комплекс девиантных практик, противоречащих императивам российского уголовного и административного законодательства, прежде всего похищение человека с целью получения имущественной выгоды либо вынуждения потерпевшего к совершению определённых действий (ст. 126, 206 УК РФ), а также принуждение к заключению брака или к сохранению брачных отношений посредством насилия, угрозы его применения либо иных форм психического воздействия (ст. 154 УК РФ; ст. 12 СК РФ). Указанные деяния формируют параллельный нормативный режим, в котором индивидуальная правосубъектность жертвы подменяется коллективной ответственностью рода, а публично-правовые механизмы подменяются квазисудебным «частным» урегулированием конфликта. Подобная подмена подрывает принцип верховенства права, неотвратимость уголовной ответственности и недопустимость ссылок на обычаи, противоречащие законодательству Российской Федерации (ст. 1, 4, 15, 17, 19 Конституции РФ).

Внутридиаспоральная легитимация рассматриваемых практик осуществляется через апелляцию к патриархальным социокультурным конструкциям «чести рода», «кровной ответственности» и сакрализованным нормам брачно-семейного уклада, характерным для традиционных обществ Кавказа и Центральной Азии. Репликации архаичных институтов способствуют дефицит институционального контроля в миграционной среде, правовая неграмотность и социальная зависимость потенциальных потерпевших, а также толерантность отдельных представителей властных структур к «культурным исключениям», что приводит к латентности указанных преступлений. Нейтрализация феномена требует комплексного применения уголовно-правовых и профилактических мер: безусловного пресечения данных деяний силами правоохранительных органов, создания специализированных механизмов защиты и реабилитации потерпевших, а также институционального взаимодействия с лидерами диаспоральных сообществ для правовой трансформации внутригрупповых норм и практик.

Этнокультурная генезис всех трёх вышеописанных детерминант обусловлена феноменом культурной инкапсуляции диаспоральных общин, при которой миграционные процессы не ведут к аккультурации в нормативно-правовое поле принимающего государства, а, напротив, способствуют консервации и в ряде случаев радикализации традиционных практик. Предпосылками указанного явления выступают пространственная компактность проживания, формирование закрытых информационно-коммуникативных контуров на родном языке, функционирование религиозных центров как институтов первичной

социализации, а также устойчивые трансграничные связи с государствами исхода. В результате формируются анклавы с автономными нормативными системами, в пределах которых регулятивный авторитет этнических и конфессиональных лидеров превалирует над правовой юрисдикцией Российской Федерации.

Дополнительным катализатором служит демографический фактор: высокая концентрация носителей однотипной этнокультурной идентичности в определённых территориях и сегментах экономики создаёт «критическую массу» для институционализации альтернативного правопорядка. Государственные институты, сталкиваясь с консолидированным сопротивлением диаспоральных структур и коррупционным давлением, демонстрируют ограниченную способность пресекать формирование параллельных систем регулирования, что оборачивается эрозией национального правового суверенитета и порождает долговременные риски для внутренней безопасности государства.

В качестве первоочередной комплексной меры предлагается разработка и внедрение интегрированной системы превентивного правового мониторинга внутридиаспоральных нормативных практик путём создания специализированных межведомственных подразделений в структуре территориальных органов федеральных органов исполнительной власти. Указанные подразделения целесообразно наделить полномочиями по выявлению, пресечению и профилактике деятельности параллельных квазиюрисдикционных образований, осуществляющих правоприменительную функцию вне рамок государственной юрисдикции Российской Федерации.

Эффективность предлагаемого механизма обуславливается нормативным закреплением его трехкомпонентной основы:

– внесение изменений в Федеральный закон от 17 июня 1996 г. № 74-ФЗ «О национально-культурной автономии», устанавливающих императивную обязанность уполномоченных органов национально-культурных автономий незамедлительно информировать компетентные государственные органы о каждом выявленном факте применения обычаевых, религиозных либо иных внегосударственных норм, противоречащих Конституции Российской Федерации и федеральному законодательству;
– дополнение Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях самостоятельным составом, предусматривающим административную ответственность за организацию и (или) функционирование альтернативных механизмов разрешения споров вне процедур, регламентированных Федеральным законом от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)»;
– имплементация в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации нормы, обязывающей медицинские и образовательные организации направлять в правоохранительные органы сообщения о признаках применения к гражданам принудительных мер, основанных на внегосударственных нормативных системах (обычаевых, религиозных и иных).

Принятие указанных законодательных новелл позволит создать многоуровневый механизм сдерживания распространения квазиюрисдикционных практик, тем самым укрепив конституционный принцип единства правового пространства Российской Федерации.

В качестве второго комплексного направления предлагается институционализировать программу правовой аккультурации иностранных граждан путём введения обязательного предмиграционного и постмиграционного образовательного цикла, включающего сертифицированные курсы по основам конституционного строя Российской Федерации с акцентом на недопустимость практик, противоречащих императивным нормам национального законодательства.

Реализация указанной программы предполагает:

– внесение изменений в Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации», устанавливающих обязательность прохождения правового тестирования в качестве необходимого условия получения визы, разрешения на временное проживание, вида на жительство, патента либо разрешения на работу;
– создание при территориальных органах Министерства внутренних дел Российской Федерации специализированных подразделений по противодействию этнокультурной криминализации, наделённых правом осуществлять оперативно-розыскные мероприятия в отношении лиц, координирующих деятельность параллельных нормативных структур;
– заключение двусторонних и многосторонних международных соглашений с государствами происхождения мигрантов о взаимном признании недопустимости экстерриториального применения обычаевых, религиозных или иных внегосударственных норм, нарушающих публичный порядок принимающего государства, с одновременным

закреплением процедур депортации и последующего запрета въезда в отношении лиц, систематически игнорирующих указанный запрет.

Комплексная имплементация данных мер позволит минимизировать риск формирования альтернативных юрисдикционных практик, укрепит принцип верховенства Конституции Российской Федерации и обеспечит должный уровень профилактики этнокультурной криминализации миграционных процессов.

Проведённое исследование демонстрирует, что культурные регуляторы этноконфессиональных диаспор представляют собой амбивалентный феномен, способный как укреплять межкультурный диалог, так и продуцировать системные угрозы национальной безопасности Российской Федерации. Формирование параллельных квазиюрисдикционных механизмов, функционирование этноэкономических сетей с коррупционной составляющей и воспроизводство архаичных практик, противоречащих императивным нормам российского законодательства, создают предпосылки для эрозии конституционного принципа единства правового пространства. Особую опасность представляет феномен культурной инкапсуляции диаспоральных сообществ, препятствующий их интеграции в правовое поле принимающего государства.

Преодоление выявленных негативных тенденций требует комплексного нормативно-правового реагирования, включающего создание системы превентивного мониторинга внутридиаспоральных практик, введение обязательных программ правовой аккультурации мигрантов и установление административной ответственности за организацию альтернативных механизмов разрешения споров вне рамок действующего законодательства. Предложенные изменения в федеральные законы «О национально-культурной автономии», «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации», а также в КоАП РФ и УПК РФ направлены на формирование многоуровневого механизма противодействия культурной криминализации миграционных процессов.

Дальнейшее игнорирование проблемы культурных регуляторов диаспор как фактора национальной безопасности может привести к углублению правовой фрагментации российского общества, усилению этноконфессиональной сегрегации и формированию устойчивых анклавов с автономными нормативными системами. В этой связи имплементация предложенных мер представляется необходимым условием обеспечения конституционного принципа верховенства права, укрепления государственного суверенитета в правовой сфере и поддержания стабильности межнациональных отношений в условиях интенсификации миграционных потоков.

Список литературы:

[1] Аласов, И. Ф. Права мигрантов в России в новом тысячелетии: диаспора Азербайджана / И. Ф. Аласов // Вестник социально-политических наук. – 2015. – № 14. – С. 141-144.

[2] Буняева, А. В. Преступность мигрантов: виды и специфика причинности, меры воздействия на нее / А. В. Буняева, М. В. Буняева, Е. В. Серегина. – Москва : Общество с ограниченной ответственностью «Кредо», 2017. – 134 с.

[3] Буняева, А. В. Преступность мигрантов: виды и специфика причинности, меры воздействия на нее / А. В. Буняева, М. В. Буняева, Е. В. Серегина. – Москва : Общество с ограниченной ответственностью «Кредо», 2017. – 134 с.

[4] Сичкарь, Т. В. Подходы к пониманию нации, народа, этноса и цивилизации / Т. В. Сичкарь, К. А. Кирсанов // Мировые цивилизации. – 2018. – Т. 3, № 1. – С. 4-7.

[5] Тирабян, К. К. К вопросу об определении феномена диаспоры (на примере армянской диаспоры Российской Федерации) / К. К. Тирабян // Управленческое консультирование. – 2018. – № 2(110). – С. 128-136.

[6] Черповодский, А. Л. Этапы формирования корейской диаспоры на юге Сибири (на примере диаспор Красноярского края и республики Хакасия) / А. Л. Черповодский // Проблемы межэтнического взаимодействия народов Сибири. – Новосибирск : Институт археологии и этнографии Сибирского отделения РАН, 2002. – С. 114-119.

[7] В России проживает 20-30 млн представителей национальных диаспор. URL: https://ria.ru/20020507/136382.html (дата обращения: 25.08.2025)

[8] Всероссийская перепись населения (2020—2021) URL: https://fadn.gov.ru/otkritoe-agenstvo/vserossijskaya-perepis-naseleniya-2020/ (дата обращения: 25.08.2025)

[9] Краткая характеристика состояния преступности URL: https://мвд.рф/reports/item/60248328/ (дата обращения: 25.08.2025)

[10] Этнические общины и диаспоры во времени и пространстве, 29–30 июня 2017 года / Universitatea Academiei de Științe a Moldovei (Universitatea de Stat ”Dimitrie Cantemir”) Institutul de Ecologie și Geografie Muzeul Național de Etnografie și Istorie Naturală Asociația de Geografie și Etnologie din Moldova, 2019. – 220 с

[11] В Севастополе прокуратура направила в суд уголовное дело об организации незаконной миграции. URL: https://epp.genproc.gov.ru/web/proc_92/mass-media/news?item=105551319 (дата обращения: 02.09.2025)

[12] Суд признал Халилова. URL: https://www.kommersant.ru/doc/8008438 (дата обращения: 02.09.2025)

References:

[1] Alasov, I.F. The rights of migrants in Russia in the new millennium: the diaspora of Azerbaijan/I.F. Alasov//Bulletin of socio-political sciences. – 2015. – № 14. - S. 141-144.

[2] Bunyaeva, A. V. Crime of migrants: types and specifics of causality, measures of influence on it/A. V. Bunyaeva, M. V. Bunyaeva, E. V. Seregina. - Moscow: Credo Limited Liability Company, 2017. - 134 s.

[3] Bunyaeva, A. V. Crime of migrants: types and specifics of causality, measures of influence on it/A. V. Bunyaeva, M. V. Bunyaeva, E. V. Seregina. - Moscow: Credo Limited Liability Company, 2017. - 134 s.

[4] Sichkar, T. V. Approaches to understanding the nation, people, ethnic group and civilization/T. V. Sichkar, K. A. Kirsanov//World civilizations. – 2018. - T. 3, NO. 1. - S. 4-7.

[5] Tirabyan, K. K. To the question of determining the phenomenon of the diaspora (on the example of the Armenian diaspora of the Russian Federation)/K. K. Tirabyan//Management consulting. – 2018. – № 2(110). - S. 128-136.

[6] Cherpovodsky, A. L. Stages of the formation of the Korean diaspora in southern Siberia (on the example of the diasporas of the Krasnoyarsk Territory and the Republic of Khakassia)/A. L. Cherpovodsky//Problems of interethnic interaction of the peoples of Siberia. - Novosibirsk: Institute of Archeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, 2002. - S. 114-119.

[7] 20-30 million representatives of national diasporas live in Russia. URL: https://ria.ru/20020507/136382.html (accessed on: 25.08.2025)

[8] All-Russian Population Census (2020 - 2021) URL: https://fadn.gov.ru/otkritoe-agenstvo/vserossijskaya-perepis-naseleniya-2020/ (accessed on: 25.08.2025)

[9] Crime Summary URL: https://мвд.рф/reports/item/60248328/ (Accessed: 25.08.2025)

[10] Ethnic communities and diasporas in time and space, 29-30 June 2017/Universitatea Academiei de Ştiinţe a Moldovei (Universitatea de Stat "Dimitrie Cantemir") Institutul de Ecologie şi Geografie Muzeul Naţional de Etnografie şi Istorie Naturală Asociaţia de Geografie şi Etnologie din Moldova, 2019. - 220 s.

[11] In Sevastopol, the prosecutor's office sent a criminal case on the organization of illegal migration to the court. URL: https://epp.genproc.gov.ru/web/proc_92/mass-media/news?item=105551319 (accessed on: 02.09.2025)

[12] The court found Khalilov. URL: https://www.kommersant.ru/doc/8008438 (accessed on: 02.09.2025)

